

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РУМЫНИИ

В. Н. Виноградов

Минуло 80 лет со времени образования первой рабочей (социал-демократической) партии в Румынии. Путь, который она прошла, был нелегок и не всегда прям. Изданные в социалистической Румынии документы¹ показывают сложность обстановки в партии, глубину противоречий, существовавших между левым течением и реформистами, интенсивность борьбы, трудности, которые приходилось преодолевать революционными силами.

Рабочий класс к моменту создания партии стал серьезным фактором в жизни страны. Приобщение Румынии к мировому рынку сопровождалось всеми обычными для капиталистической цивилизации явлениями. Тысячи ремесленников, подмастерьев и учеников были выбиты из привычных условий существования и постепенно всасывались заводами, фабриками, рудниками, уходили на строительство железных дорог. Многие из них начинали понимать призрачность расчетов на превращение в «самостоятельных» хозяйчиков. И хотя груз мелкобуржуазных представлений еще не был преодолен, процесс классового воспитания пролетариата нельзя было остановить.

На рубеже двух веков пролетариат представлял собой уже немалую силу: только на предприятиях обрабатывающей промышленности, считавшихся, по тогдашним условиям, крупными, было занято 37 тыс. человек, еще несколько десятков тысяч трудились на железных дорогах, нефтепромыслах и водном транспорте. Это был авангард пролетарской армии. Правда, в начале XX в. фабричные рабочие составляли еще меньшинство из 130 тыс., занятых в промышленности и на транспорте². Ремесленник оставался еще типичной фигурой румынской промышленности. Но налицо была и известная концентрация производства.

80-е годы XIX в. ознаменовались выступлениями, уже не похожими на прежние, стихийные стачки. Одновременно и революционные кружки, отдав в 70-е годы XIX в. дань лассальянству, прудонизму и народничеству, прекратили поиски каких-то особых путей развития для Румынии, и социалисты обратились к рабочему классу и к учению К. Маркса. Переход к марксизму осуществился в 1883—1884 годах. В апреле 1884 г.

¹ «Documente din mișcarea muncitorească din România. 1872—1916» (далее—DMM). București. 1947; «Documente din istoria Partidului comunist din România» (далее—DIPCR). Vol. I. 1917—1922. București. 1956; «Documente din istoria mișcării muncitorești din România» (далее—DIMMR). 1893—1900, 1910—1915, 1916—1921. București. 1969, 1968, 1966; «Marea Revoluție socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România». București. 1967. Ценным источником являются также сборники статей рабочей и социалистической прессы Румынии: «Presa muncitorească și socialistă din România». Vol. I—III. București. 1964—1971.

² «История Румынии. 1848—1917». М. 1971, стр. 359, 360. В 1860 г. на фабриках и заводах было занято всего 2—2,5 тыс. человек.

вышел первый номер газеты «Revista socială» («Социальное обозрение»), которая сразу же отмежевалась от анархизма и прочих имевших тогда хождение мелкобуржуазных теорий, и объявила, что будет отстаивать не утопический, а научный социализм: «Наша газета призвана, пока хватит сил, заполнять существующую в наших представлениях брешь, освещая идеи научного социализма»³. На страницах этого издания молодой К. Доброджану-Геря опубликовал большую работу «Карл Маркс и наши экономисты», в которой излагал и отстаивал основные положения марксистской политической экономии.

Наряду с «Revista socială» большую роль в распространении марксизма сыграл журнал «Contemporanul» («Современник»). Здесь печатались труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Здесь же в 1886 г. было опубликовано исследование К. Доброджану-Геря «Чего хотят румынские социалисты», за которым последовали другие работы этого автора, вскопавшего ведущим теоретиком румынской социал-демократии. В своих работах он доказывал закономерность и неизбежность развития социалистического движения в Румынии и подвергал обоснованной критике тезис о чужеродности социализма в условиях отсталой аграрной страны. В работе «Чего хотят румынские социалисты» прозвучал основополагающий тезис о диктатуре пролетариата как форме политической власти⁴. В начале 1888 г. Ф. Энгельс отправил письмо в Яссы. «К большому моему удовлетворению,— писал он,— я смог убедиться, что социалисты Вашей страны принимают в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов,— теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом»⁵.

Румынское движение, организационно оформленное в кружках, а затем клубах, слилось с могучим потоком международной социал-демократии. На учредительном конгрессе II Интернационала оно было представлено 5 делегатами. 31 марта 1893 г. открылся первый съезд румынских социал-демократов, образовавший Социал-демократическую партию рабочих Румынии (СДПРР). В принятой им программе излагались основные марксистские принципы. В ней говорилось, что развитие капиталистического способа производства подготовило необходимые условия для замены его социалистическим; что пролетариату уготована роль могильщика капитализма; что эта трудная и величественная задача может быть осуществлена лишь организованным и вооруженным теорией научного социализма рабочим классом; что созданная в Румынии партия преследует одинаковую со всей международной социал-демократией цель — вырвать средства производства из рук угнетателей, превратить их в общенародную собственность, добиться ликвидации классов; что она обязуется соблюдать принципы пролетарского интернационализма и неуклонно осуществлять решения конгрессов II Интернационала⁶.

Программа содержала и перечень ближайших требований: всеобщее, равное и прямое избирательное право для всех граждан, достигших 20 лет, независимо от пола, религиозной и национальной принадлежности; равноправие женщин с мужчинами; всеобщее, светское и бесплатное образование; свобода собраний, ассоциаций и т. д. Впервые в условиях Румынии выдвигались такие специфически рабочие требования, как принятие законов об охране труда, восьмичасовой рабочий день. Положительной чертой программы было включение в нее требований по аграрному вопросу, хотя она и останавливалась здесь на полпути, ограничиваясь предложением образовать фонд из земель, купленных у

³ «Presa muncitorească și socialistă din România». Vol. I, pt. I. București. 1964, p. 287.

⁴ С. Доброджану-Геря. Scrieri social-politice. București. 1968, p. 25.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 4.

⁶ DIMMR, 1893—1900, pp. 52—53.

помещиков, для сдачи их участками в аренду крестьянским обществам и отдельным лицам.

На съезде вполне явственно проявилось влияние реформистских концепций. Сказались незрелость и неопытность рабочего класса Румынии, сильное мелкобуржуазное влияние, отсутствие должной закалки в классовых боях, значительное воздействие интеллигентской прослойки. Во введении к программе указывалось, что социалистические преобразования должны быть осуществлены сперва в передовых странах Западной Европы, румынам же остается ждать оттуда сигнала и заниматься покуда своими текущими делами подготовительного характера: пропагандой и организацией трудящихся, заботой об улучшении их положения и т. д. Этой цели подчинялась тактика партии. «Отсюда,— указывалось в программе,— следует умеренность социалистической тактики у нас, развитие движения по пути строгой легальности»⁷.

И все же возникновение СДПРР имело важное значение, поскольку оно способствовало сплочению румынского рабочего класса. 90-е годы XIX в.— время быстрого роста профессиональных организаций, которые к началу XX в. насчитывались сотнями. Все определеннее проявлялся их классовый характер. Это можно проследить по уставам, где, как правило, говорилось об укреплении братства и солидарности между рабочими, о борьбе за улучшение их социального и материального положения. В некоторых содержался призыв к борьбе за сокращение рабочего дня, иногда (хотя и далеко не во всех случаях) — до 8 часов. Большинству же обществ подобное требование казалось еще слишком решительным. Хозяева мастерских в ассоциации не допускались. Ширилось стачечное движение, в котором проявили себя А. Ионеску и И. К. Фриму.

В забастовочных боях, обнажавших антагонизм труда и капитала, росло и крепло классовое самосознание рабочих. В Румынии остро стояли нерешенные проблемы буржуазно-демократического характера. Это обстоятельство помогло социалистам избежать опасностей сектантства, принесшего столько вреда рабочему движению в развитых капиталистических государствах. Но эту особенность стремились обратить себе на пользу оппортунисты, старавшиеся свести всю деятельность партии к решению исключительно демократических задач, ограничить ее рамками легальности, борьбой за всеобщее избирательное право. Они осуждали тактику «насилия и революционных действий» и пытались превратить партию в «целиком легалистскую и мирную».

Эта программа вполне соответствовала общеевропейским эталонам оппортунизма. Многие стороны роднят ее с российским «легальным марксизмом» и с австро-марксизмом. Подобный курс неминуемо должен был вызвать схватку с революционными силами в румынской социал-демократии. На съездах партии происходили ожесточенные столкновения представителей противоположных течений. Руководители левых — К. Буздуган, Шт. Стынку, Р. Ионеску-Рион, К. Олческу, А. Ионеску — выступали против «легального пути» и требовали поставить в центр деятельности партии организацию рабочих. Сами они всей душой отдались этому делу и добились немалых успехов. Если в 1895 г. бухарестский клуб СДПРР насчитывал 575 членов, то в 1897 г.— уже 1 315. Вторая по численности партийная организация действовала в Брэиле, городе портовиков. Здесь клуб насчитывал до тысячи участников. Немало передовых рабочих записалось в клубы Галаца, Буззу и Тыргу-Фрумуса⁸.

Первомайские демонстрации служили смотром боевых сил пролетариата. Тысячи людей выходили на улицы под лозунгами 8-часового ра-

⁷ Ibid., p. 55.

⁸ «Mișcarea muncitorească din România. 1893—1900». București. 1965 (далее — MMR), pp. 67, 68—69.

бочего дня, воскресного отдыха, всеобщего избирательного права. Первой привлекал к борьбе пролетариев внимание и симпатии всех прогрессивных сил Румынии. Все упорнее, организованнее и сознательнее становилось стачечное движение. Классовые схватки, экономические по своему содержанию и пока еще недостаточно зрелые с точки зрения организованности и сознательности их участников, не укладывались в оппортунистические схемы упорядоченной и строго легальной кампании за всеобщее избирательное право, к которой реформисты пытались свести всю деятельность СДПРР. Ширилась брешь между оппортунистами, занимавшими ключевые посты в руководстве партий и массой. Один из тогдашних руководителей СДПРР, И. К. Атанасиу, писал в своих воспоминаниях о «враждебности и оскорбительной подозрительности», которую они «ежедневно ощущали со стороны рабочих»⁹.

Напор со стороны левых сил, невозможность одолеть их и навязать свою линию действий приблизили кризис и заставили оппортунистов изменить курс. Начиная с 1895 г. сперва в частных беседах, затем на закрытом заседании V съезда (1898 г.), а потом и публично они требуют преобразования партии на «более широкой основе», отказа от социалистических целей, что было равносильно ее ликвидации. Беспринципные комбинации оппортунистов с либералами на коммунальных выборах 1898 г. накалили обстановку в партии до предела. Попытка правых на VI съезде партии (1899 г.) заменить социалистическую организацию аморфным объединением демократических сил провалилась. Революционеры устами А. Ионеску ответили на эти интриги клятвой верности «красному знамени международного пролетариата»¹⁰. И тогда ренегаты нанесли движению тяжелый удар, добившись распада партии, причем сами они перебежали к либералам.

В первые годы XX в. на долю румынского рабочего движения выпали новые тяжелые испытания. Промышленный и финансовый кризис сузил возможности экономической борьбы. Партия прекратила существование. Затем распались и клубы. На смену им пришли кружки «Рабочая Румыния», сплотившие тех, кто не дрогнул и не разочаровался.

С началом века мир вступил в эпоху социальных потрясений, центр которых находился в России. Рушились многие закоренелые представления ортодоксальной социал-демократии. В. И. Ленин дал ответ на поставленные историей вопросы о ходе революционного процесса в эпоху империализма. Перед румынскими революционерами встала задача не просто восстановить партию, но и добиться ее перехода на принципиально новые позиции. В 1902 г. им удалось выпустить 23 номера еженедельника «România muncitoare» («Рабочая Румыния»). Газета разоблачала пресловутый тезис о непригодности социализма для Румынии. Она обратилась к испытанному оружию — трудам основоположников марксизма. Почти в каждом ее номере публиковались тексты (главным образом в отрывках) из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Особо надо отметить, что в «România muncitoare» появилась перепечатанная из ленинской «Искры» короткая, но принципиально важная цитата с оценкой «Казуса Мильерана». В газете приводились слова: «международный социализм презирает (этого предателя.— В. В.) и отказывается от всякой солидарности с ним»¹¹.

И тут открывается интереснейшая, хотя и по сей день до конца не прочитанная страница русско-румынского революционного сотрудничества, связанная с транспортировкой «Искры». «Искра» в течение почти

⁹ I. A t a n a s i u. Mișcarea socialistă. 1881—1900. București. 1932, p. 331.

¹⁰ «Presa muncitorească și socialistă din România». Vol. I, pt. II, p. 472.

¹¹ N. C o p o i u. Refacerea Partidului Social Democrat din România. București. 1966, p. 91; «România muncitoare», 28.IV.1902; см. также А. Деак, И. Илинчю. Ленин и Румыния. Бухарест. 1971, стр. 43.

двух лет переправлялась в Россию через Яссы, Галац и Тулчу¹². В конце 1902 г. связь оборвалась по причинам, до сих пор не выясненным. Важно, однако, отметить (и в этом единодушны румынские и советские исследователи), что значение транспортировки «Искры» выходило далеко за рамки «чистой техники», что она способствовала знакомству румын с материалами газеты. Помимо осуждения предательства Мильерана, в чем румынские социалисты буквально следовали за «Искрой», можно сослаться на данную в «*România tuncitoage*» оценку задач партийной печати, сходную с положениями, выдвинутыми в известной ленинской статье «С чего начать?». Знакомство с «Искрой» помогло румынским революционерам лучше узнать положение в России. «*România tuncitoage*» в мае 1902 г. писала: «Алый стяг революции вновь поднят в России; деспотизм не в состоянии держать долее в узде новые силы, развивающиеся в обществе, он падет, и лучи свободы засверкают во мраке Российской империи»¹³.

Однако возвращение к кружковщине наложило свой отпечаток и на содержание «*România tuncitoage*». Оригинальных теоретических материалов в еженедельнике почти не появлялось, исключение составляли лишь статьи по крестьянскому вопросу, в которых говорилось о революционном потенциале деревни. Хроника рабочей жизни в газете отсутствовала. Мало было сил, не хватало достаточно подготовленных кадров, ослабли связи с массовым движением.

Внутренние и внешние условия для крутого перелома в румынском рабочем движении созрели лишь к 1905 году. 24 января 1905 г. в бухарестском зале «Эфория» собрался митинг протеста против кровавого воскресенья. Волна сочувствия и солидарности с российскими борцами за свободу охватила Румынию. Вслед за столицей подобные собрания были проведены в Яссах, Крайове, Бакэу, Констанце. 5 марта возобновился выход газеты «*România tuncitoage*». Встревоженная событиями, румынская олигархия направила к русской границе дополнительные воинские части. День и ночь несли дозор патрули. Но вести из России многообразными путями проникали в Румынию. Это были и сообщения в газетах, и листовки, тайно переправленные через Прут, и рассказы участников революционных событий в России, и свидетельства соседей — жителей пограничных сел. Корреспондент газеты «Одесские новости», прибыв в Румынию, обнаружил, что даже деревенские жители были превосходно осведомлены «о револте», то есть о крестьянском движении в России¹⁴. В истории русско-румынских революционных связей важное место занимает и пребывание в Румынии команды броненосца «Потемкин». Многие десятилетия русские матросы хранили в памяти теплоту оказанной им встречи, силу пролетарского интернационализма¹⁵. Сами они приняли деятельное участие в рабочем и крестьянском движении приютившей их страны.

Революция 1905—1907 гг. оказала сильнейшее влияние на все прогрессивные силы Румынии: и на пролетариат, и на крестьянство, и на интеллигенцию. «Русский опыт» будил мысль и толкал к действию. Речь шла не просто о росте рабочего движения вширь и не о механическом восстановлении социал-демократической партии, а о глубоком качествен-

¹² Ю. Я. Баскин, Е. И. Спиваковский. Ленинская «Искра» в Румынии. «По ленинскому пути». «Ученые записки» Ленинградской ВПШ. Вып. 2. Л. 1970, стр. 92. Румынские исследователи установили, что в переправке русской революционной литературы участвовали такие известные деятели, как К. Буздуган, И. К. Фриму, И. Нэежде-Армашу (см. А. Деак, И. Илинчю. Указ. соч., стр. 38).

¹³ Ю. Я. Баскин, Е. И. Спиваковский. Указ. соч.; А. И. Александров. Ленинская «Искра» в Румынии. «Вестник» МГУ. Сер. VII. Филология, журналистика, 1960, № 6; А. Деак, И. Илинчю. Указ. соч.

¹⁴ «Одесские новости», 29.III.1907

¹⁵ И. Лычев. Потемкинцы. М. 1954, стр. 88—89.

ном сдвиге. Баррикадные бои, массовые политические стачки, крестьянские волнения, восстания в армии и на флоте не только подтвердили ленинский вывод о перемещении центра мирового революционного движения в Россию, но и показали несостоятельность реформистских постулатов о «легальном пути» и терпеливом ожидании прихода социализма с «передового Запада». На очередь дня встала задача перестройки всего движения на основах ленинизма.

Следует подчеркнуть, что отклики на события в России были разными. В то время, как самые влиятельные и авторитетные социалисты, сторонники легализма, рассматривали уроки 1905—1907 гг. как «чисто русское» явление¹⁶, представители революционного крыла, высоко оценивавшие международное значение революции 1905—1907 гг., стремились извлечь из «русского опыта» максимум для выработки собственной стратегии и тактики. Рельефнее всего такой подход проявился в речах и делах И. К. Фриму. «Героическая борьба русских товарищей, — говорил он, — имеет не только местное значение, она нашла отклик во всем мире... Их пример воодушевил и нас... Нашей обязанностью является извлечение уроков из того, что происходит в России, и организация рабочих»¹⁷. Развитие событий в самой Румынии доказывало, сколь настоятельным и неотложным являлся этот призыв. В 1905 г. кривая забастовочного движения пошла круто вверх. Нефтяники компании «Стяуа Ромынез» в Кымпине передали стачечную эстафету кузнецам Бухареста и судостроителям Турну-Северина. Вслед за этим вспыхнула стачка кожевников, охватившая ряд городов, в том числе и столицу. Забастовочная волна не спала и в 1906 году. В отчете, подготовленном румынскими социалистами для Штутгартского конгресса II Интернационала, указывалось, что в одном лишь Бухаресте произошло 56 конфликтов, а в Галаце — 13. В ходе стачек крепились профессиональные организации рабочих.

Тем острее стала ощущаться разрозненность движения, отсутствие единого организующего центра, на первых порах хотя бы профсоюзного. В августе 1906 г. на конференции в Бухаресте с участием 94 уполномоченных, представлявших 4,5 тыс. организованных рабочих, была создана Генеральная комиссия профсоюзов. Через год на вторую конференцию прибыли уже представители 6,7 тыс. пролетариев¹⁸.

Весной 1907 г. развернулось стихийное восстание крестьян, которое явилось вехой в истории Румынии.

События 1907 г. отчетливо показали отношение к восставшему крестьянству со стороны различных слоев населения, обнажили классовые отношения в стране. Лидеры крупной буржуазии еще раз подтвердили свою верность союзу с помещиками. Это нашло свое выражение в передаче власти от консерваторов к либералам. Сложную позицию по отношению к крестьянскому восстанию занимала радикально настроенная интеллигенция. Ее возмущали бедствия деревни, жестокая расправа над повстанцами. В печати, с университетских кафедр, в парламенте раздавались голоса протеста¹⁹. Особую активность проявляла студенческая молодежь. Однако радикальная интеллигенция увидела в восстании лишь взрыв отчаяния; она не поняла его социального значения. Не принимая революционного пути решения аграрного вопроса, она, за исключением некоторых студентов, включившихся в борьбу крестьян, с удвоенной энергией принялась сочинять проекты земельной реформы.

¹⁶ В сознании К. Доброджану-Гери они запечатлелись как «ужасающая бойня» и «сильное ожесточение умов» (Е. И. Спиваковский и В. И. Ленин и румынское революционное движение (в дооктябрьские годы). М. 1966, стр. 12).

¹⁷ Цит. по: «Народно-демократическая Румыния», 1951, № 3, стр. 7.

¹⁸ Они были делегированы 51 профсоюзом. Еще 23 существовавших тогда союза (около 1 800 членов) не смогли направить на конференцию своих делегатов из-за препятствий, чинимых властями («История Румынии. 1848—1917», стр. 429, 474).

¹⁹ См. «Marea răscoală a țărănilor din 1907». București. 1967.

Лишь пролетариат с самого начала был на стороне крестьян. В Пашкани, Бухуши, Галаце и многих других местах рабочие выступили вместе с прорвавшимися в города крестьянами²⁰. В 1907 г. появились признаки того союза пролетариата и крестьянства, без которого сокрушение буржуазно-помещичьего строя было немыслимо²¹. Однако установлению такого союза мешали объективные трудности, которые в тот период переживал пролетариат. И перед первой мировой войной не менее половины общего числа лиц наемного труда было занято на мелких предприятиях, пролетариат по-прежнему пополнялся в основном из разорившихся ремесленников и крестьян, которые приносили с собой груз мелкобуржуазных заблуждений и были восприимчивы к буржуазным идеологическим веяниям.

Нельзя упускать из виду и факторы иного рода, обуславливавшие цепкость, с которой реформизм держался за свои позиции. Правые социалистические лидеры по-своему интерпретировали зарубежный опыт. Выражая сочувствие российской революции, соболезнуя жертвам расправ, они на разные голоса перепевали пресловутый плехановский тезис «не надо было браться за оружие». Из поражения революции 1905—1907 гг. они делали вывод о гибельности курса на вооруженное восстание вообще. Неудачу русских «путчистов» они сравнивали с «блистательными успехами» немецкой социал-демократии. К. Доброджану-Геря всячески превозносил достижения последней: сотни тысяч членов партии, миллионы сторонников на выборах, внушительное число мандатов в рейхстаге, многолюдные демонстрации во время съездов. В те годы Геря создал свои основные работы — «Неокрепостничество», «Относительно социализма в отсталых странах», «Постскрипtum, или забытые слова», посвященные социально-экономическому и политическому развитию Румынии. В них содержалось немало верных наблюдений и острых критических замечаний по адресу румынской олигархии. Но на основной вопрос: революция или эволюция — он отвечал определенно и недвусмысленно в пользу последней. В отличие от К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина Геря полагал, что нигде в Европе не сложились предпосылки, даже объективные, для перехода к социализму. Он писал об «органическом социальном развитии», постепенном «органическом перерастании» капиталистического общества в социалистическое, «врастании» (он особенно хвалил немецких социал-демократов за это «прекрасное» выражение), которое, по его мнению, никак нельзя искусственно прерывать насильственными акциями. В то же время Геря осуждал революционную тактику. Если социал-демократия, писал он, «с помощью какого-то чуда, насильственной революции, заговора и т. п.» захватит власть, она не продержится и 24 часов и либо переродится, либо падет, «ибо не развились еще необходимые объективные и субъективные условия» для перехода к социализму. Всякая подобная попытка объявлялась безумием. Геря утверждал, что «социал-демократия единодушна в осуждении путчистско-революционной тактики, как дурной, смехотворной и абсурдной». Эволюция, а не революция — в этом суть взглядов Доброджану-Геря. Он не понимал, что захват власти пролетариатом явится отправной точкой для построения социалистической экономики и раскроет невиданные ранее возможности для воспитания нового человека. Если уж наиболее развитые государства, рассуждал Геря, столь далеки от социалистической революции, то говорить о ней применительно к Румынии равносильно тому, чтобы пытаться женить пятилетнего младенца. Он вновь и вновь превозносил «знаменитый и классический легальный путь»²².

²⁰ «История Румынии. 1848—1917», стр. 460.

²¹ «Marea răscoală a țărănilor din 1907», p. 621.

²² C. Dobrogeanu-Gherea. Scrieri social-politice. București. 1968, pp. 225—226.

Социалистическое движение в Румынии начала века, как это явствует из документов, не выработало еще целенаправленной революционной линии. Было распространено убеждение, что авангардным отрядом мировой социал-демократии являются немецкие социалисты. Многие румынские социал-демократы были склонны переоценивать значение существовавших в стране конституционных форм и открываемых ими возможностей легальной деятельности.

Но подспудно в румынском рабочем движении шли процессы большого исторического значения. Практика борьбы толкала левых на революционный путь. Вопреки всем теориям оппортунистов ширился фронт классовой борьбы; в ходе стачек пролетариат приходил в столкновение с буржуазным государственным аппаратом; это побуждало его искать союзников и более совершенные формы организации; ультра-легальность и архиумеренная аграрная программа, проповедуемые Герей, не могли удовлетворить левых социал-демократов; они в жизни, а иногда и в партийных документах выходили далеко за реформистские рамки.

К «русскому опыту» левые подходили не с «высот» книжной реформистской премудрости и не с целью «доказать» его неприменимость на румынской почве, а с подлинным интересом и готовностью усвоить его уроки. Подъем стачечного движения, создание разветвленной сети профессиональных союзов, их объединение, обсуждение путей возрождения партии — во всем этом сказывалось влияние «русского опыта», звавшего румынского пролетария на штурм твердынь олигархии и капитала. Но руководители рабочих, преданные своему классу борцы — Шт. Георгиу, И. К. Фриму, А. Константианеску, М. Г. Бужор — не были еще в состоянии дать бой реформистам по теоретическим вопросам, а порой в своем нетерпении впадали в левый крен. Все это говорит о том, сколь сложным и противоречивым было развитие социалистического движения в Румынии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Сказалось это и на работе открывшегося 31 января 1910 г. съезда, воссоздавшего Социал-демократическую партию Румынии (СДПР). Отражая требования пролетариата, съезд принял программу, основанную на принципах классовой борьбы и интернационализма. Он провозгласил целью партии обобществление средств производства, уничтожение эксплуатации человека человеком. Ради этого, говорилось в программе, партия стремится к завоеванию государственной (текстуально — правительственной) власти²³. В этот документ были включены такие важные пункты, как требования всеобщего избирательного права, свободы собрания и стачек, 8-часового рабочего дня. Однако реформистское влияние, и в частности влияние концепций К. Доброджану-Гери, сказалось на решениях съезда вполне отчетливо. Съезд исходил из того, что социализм наступит в отдаленном будущем и ему должен предшествовать длительный период капиталистического развития. О диктатуре пролетариата, о союзе с крестьянством ни в прениях, ни в документах съезда ничего не говорилось. Всеобщее избирательное право по-прежнему выдвигалось в качестве главного политического лозунга. Его поддерживали и руководители левых, которые не признавали ведущей роли партии в рабочем движении и в этом духе рассматривали проблему взаимоотношений партии и профессиональных союзов. Вместе с тем на съезде прозвучало требование «внепарламентских действий», отражавшее настроения широких масс: «Мы не можем убаюкивать себя иллюзией, будто завоеваем парламентское большинство, которое добудет для нас реформы; мы должны опираться прежде всего на главные силы рабочей армии, которая борется вне (парламента.— В. В.) и заставит буржуазию считаться с нашими представителями»²⁴.

²³ DIMMR, 1910—1915, p. 11.

²⁴ «Desbaterile Congresului de constituire al Partidului social-democrat și ale congresului sindical». București. 1910, p. 125.

Медленно происходил процесс выработки аграрной программы партии. 1907 год продемонстрировал два подхода к крестьянству. Рабочие на улицах демонстрировали свою солидарность с восставшими крестьянами и не раз вместе с ними грудью встречали пули карателей. М. Г. Бужор с группой товарищей призывал солдат «не стрелять в тех, кто страдает, в товарищей по труду, в братьев, сестер или родителей... Показывайте всюду, кто является настоящим врагом, и если это будет необходимо и явится возможность, переходите на сторону восставших, чтобы бороться против этого врага»²⁵. Но руководство кружка «Рабочая Румыния» под явным влиянием реформистов осудило воззвание Бужора, расценив его как анархистское. Само же оно, кроме проектов некоторых реформ и борьбы за всеобщее избирательное право, ничего предложить не смогло²⁶. В условиях восстания такая тактика демобилизовывала движение. Некоторые оппортунисты даже не скрывали, что именно к этому они стремятся. И. Теодореску, например, с удовлетворением писал, что предоставление всеобщего избирательного права, как правило, ведет к спаду революционной волны²⁷.

После восстания 1907 г. в партийных документах появилось требование принудительной экспроприации на условиях выкупа всей земельной собственности, превышающей 300 гектаров. В этом явно сказалось влияние левых. Но партия, включая и ее левое крыло, так и не сумела преодолеть старых, изживших себя догм II Интернационала. Из экспроприированных земель предполагалось создать национальный фонд, из которого и следовало давать участки крестьянским обществам или отдельным лицам в аренду на срок не менее 50 лет²⁸. Основное же требование румынского крестьянства — о передаче ему земли в собственность — не было отражено в проекте. Социалисты продолжали считать его отступлением от своих принципов.

Идеологическую незрелость масс, теоретическую слабость их руководителей в Румынии отразил также центризм. Виднейшим представителем центризма в румынской социал-демократии был тогда Х. Раковский. Осуждая ревизионизм, он не вскрывал, однако, корней этого явления и считал его преходящим эпизодом. По его словам, «подобные тенденции были побеждены и полностью парализованы» уже на конгрессе II Интернационала в Париже (1900 г.); еще через 4 года, как он утверждал, Амстердамский конгресс «очистил дорогу, отбросив ревизионистов»²⁹. И, самое главное, Раковский не желал видеть проявления ревизионизма в румынской социал-демократии, а сам делал ему уступки, оправдывая историческими особенностями Румынии признание легализма как основы деятельности партии. При этом местная специфика абсолютизировалась и отодвигала на второй план общие законы развития.

Революционное крыло румынской социал-демократии еще не выработало стройной системы своих взглядов; его представители были не в силах опровергнуть многие реформистские тезисы и пока не доросли до понимания необходимости идеологического и организационного размежевания с оппортунистами. Но они поддерживали связи с массами, активно участвовали в повседневной революционной деятельности. Революционная практика постепенно разрушала реформистские концепции легализма. Левые учились на тяжелом, мучительном, а порой и кровавом опыте. В 1907 г. карательный аппарат буржуазно-помещичьего режима вслед за крестьянами обрушился и на рабочих. Из страны под предлогом иностранного происхождения были изгнаны сотни активистов.

²⁵ DMM, p. 364.

²⁶ «Răscoala țăranilor din 1907». Vol. I. București. 1948, p. 792; DMM, pp. 365—366.

²⁷ I. Theodorescu. Votul universal, București. 1908, p. 28.

²⁸ «Alianța clasei muncitoare cu țăranimea muncitoare în România». București. 1969, p. 88.

²⁹ «Viitorul social», 1970, № 2, p. 123.

В Галаце местный префект — и, кстати, отступник от социализма — И. Атанаску учинил погром в помещении кружка «Рабочая Румыния». В ответ вспыхнула всеобщая стачка. В декабре 1909 г. охранка инсценировала покушение на премьер-министра И. Брэтиану, а через несколько дней парламент в срочном порядке принял «закон Орляну», запрещавший профсоюзы на государственных предприятиях. Однако правящие круги Румынии не могли остановить развитие классовой борьбы. В 1907—1909 гг. произошло свыше 120 стачек³⁰.

В предвоенные годы соотношение сил в СДПР изменилось, влияние реформистов заметно ослабело, позиции революционеров, в том числе теоретические, укрепились. В общепартийных документах все чаще звучал их голос. В 1911 г. СДПР впервые участвовала в парламентских выборах. В феврале руководство партии издало в связи с этим программный манифест, содержащий марксистскую постановку вопроса о государственной машине, классах и партиях. Правда, за этим не последовали революционные выводы. Авторы манифеста по-прежнему ставили во главу угла требование всеобщего избирательного права, которое в их представлении должно было стать могучей силой «в окончательном освобождении рабочих»³¹. Но и в этом вопросе в предвоенные годы резко обозначились программные разногласия между оппортунистическим и революционным течениями. Если реформисты продолжали уповать на всеобщее избирательное право как на единственное средство социальных преобразований³², то в работах левых появился призыв к вооруженному восстанию международного пролетариата, которое освободит человечество от оков рабства.

И в самой партии оппортунисты уже не чувствовали себя столь свободно, как прежде. Процесс полевения проявился во время предвыборной кампании 1914 года. Руководство партии, в котором позиции левых — А. Константинеску, И. К. Фриму, Е. Арборе, Д. Маринеску — были уже достаточно сильны, выпустило 10 манифестов, разъясняя свои установки. В них говорилось о том, что лишь свержение капитализма избавит рабочих от эксплуатации. Манифесты писали о захвате рабочими политической власти под руководством партии, содержали призывы к пролетариату «всеми легальными или революционными средствами, которые ему доступны, вырвать у олигархии возможно большие права для себя и для всего народа»³³. Тогда же исполком выпустил манифест «Требуем полной экспроприации!», знаменовавший собой серьезный сдвиг в разработке аграрной программы. Размеры земельных участков манифест ограничивал 100 га, вся остальная земля подлежала изъятию. Партия высказывалась за ликвидацию латифундий, являвшихся экономической основой господства помещиков и оплотом феодальных пережитков в деревне.

В партии горячо дебатировался вопрос о взаимоотношениях с буржуазными политическими течениями. Поводом послужило участие некоторых деятелей во главе с Т. Драгу в газетах вышедшего из социал-демократической партии еще в середине 90-х годов XIX в. К. Милле «Adevărul» («Правда») и «Dimineața» («Утро»), которые заняли во время Балканских войн откровенно шовинистическую позицию. Это сотрудничество бросало тень на партию. Исполком СДПР в октябре 1913 г. принял специальную резолюцию «Сотрудничество в буржуазных газетах», в которой указывалось, что несоциалистическая пресса, «даже буржуазно-демократическая, стремится держать рабочих в интеллектуальном и экономическом рабстве у господствующих классов»³⁴. Советский

³⁰ «История Румынии. 1848—1917», стр. 472.

³¹ DIMMR, 1910—1915, pp. 219, 226.

³² Ibid., p. 369.

³³ DMM, p. 598.

³⁴ «Балканский исторический сборник». Кишинев. 1968, № 1, стр. 150.

историк А. К. Мошану делает вполне обоснованный вывод, что это решение исполкома партии было выдержано в пролетарском духе и построено на тех же принципах, что и известная резолюция большевиков «Об участии в буржуазной прессе» (1907 г.). Уместно связать его с принятыми и до и после 1913 г. программными документами, в которых намечался правильный подход к анализу расстановки классовых сил в стране, а румынская буржуазия рассматривалась как реакционная сила и ведущий партнер правящей олигархии. Разрыв с «независимыми» газетами явился шагом в практическом осуществлении этих программных положений. Он был необходим для утверждения принципа гегемонии пролетариата и руководства СДПР в процессе не только социалистических, но и демократических преобразований в Румынии. Он круто расходился с оппортунистическими концепциями сотрудничества с «собственной» буржуазией, с призывами И. Сиона «помочь» отечественному капиталу, которому-де никак не удается завоевать себе место под солнцем. Выход Т. Драгу из партии служил показателем ее полевения.

В 1907 г. в Штутгарте произошла первая встреча румынских социалистов с В. И. Лениным. В ноябре 1911 г. он обратился к И. К. Фриму с просьбой оказать помощь двум русским эмигрантам; 22 декабря того же года в «*România tuncitoare*» появилась (под измененным заголовком) ленинская статья «О социал-демократической фракции II Думы. Изложение всего дела». В марте 1912 г. здесь же был опубликован доклад В. И. Ленина Международному социалистическому бюро о Пражской конференции. Газета сопровождала эту публикацию знаменательным примечанием: все связи с РСДРП отныне должны осуществляться через Владимира Ульянова, проживающего в Париже по улице Мари Роз³⁵. Это означало, что СДПР намерена сотрудничать с большевиками, а не с меньшевиками.

Вместе с тем следует иметь в виду трудности в развитии румынской социал-демократии и относительную слабость ее левого течения, медленно и мучительно преодолевавшего влияние реформизма. Недостаточное использование революционного опыта российского пролетариата усугубляло эти трудности и замедляло процесс очищения партии от оппортунистической скверны. СДПР оставалась небольшой организацией — ее численность в 1912 г. не превышала 500 человек и лишь к 1915 г. поднялась до 827³⁶. Слаба была партийная дисциплина. Местные клубы фактически пользовались автономией. Исполком вынес на последний предвоенный съезд (апрель 1914 г.) вопрос о реорганизации партии, о преобразовании клубов в секции и подчинении их центральному руководству. После ожесточенной схватки здоровые силы одержали верх на съезде: был принят новый устав. Впервые в программные документы партии вошло требование установления республики. Был выдвинут лозунг полной экспроприации помещичьих земель со сдачей их в долгосрочную аренду крестьянам³⁷.

В актив румынской социал-демократии следует внести интернационалистскую позицию в вопросах внешней политики. Когда в 1908 г. разразился Боснийский кризис, приведший Европу на грань вооруженного конфликта, социалисты балканских стран, собравшись на Первую балканскую социал-демократическую конференцию (декабрь 1909 г., Белград), противопоставили агрессивным планам национальной буржуазии и интригам великих держав свой план создания Балканской федеративной республики. В тогдашних условиях только такое решение вопроса открывало путь к предотвращению войны, национальному урегулированию и социальному преобразованию. В. И. Ленин высоко оценил ини-

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 381—386; т. 21, стр. 173—175; т. 48, стр. 41; см. также А. Деак, И. Илинчюу. Указ. соч., стр. 65—66.

³⁶ «*Lupta zilnică*», 17.X.1915.

³⁷ DIMMR, 1910—1915, pp. 745, 761.

циативу социалистов Болгарии, Сербии, Греции и Румынии. «Сознательные рабочие балканских стран,— писал он в «Правде»,— первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах». «Действительная свобода славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена *только* полной свободой внутри *каждой* страны и федерацией вполне и до конца демократических государств»³⁸.

Однако на пути к Балканской федерации стояли огромные трудности. Мешали не только относительная слабость рабочего движения, отсталость и забитость балканского крестьянства, но и субъективные факторы, среди которых особо следует подчеркнуть незрелость социал-демократических партий. Раковский, изгнанный из Румынии после крестьянского восстания 1907 г., обосновался в Софии. Под влиянием своих центристских концепций он с помощью Троцкого, тоже находившегося в то время в Болгарии, вздумал «помирить» болгарских революционеров-«тесняков» с открыто оппортунистической партией «широких». «Ультраанархообщедельческое сумасбродство», «интриги и фальсификации», «злополучная миссия» — такими терминами Д. Благоев и Г. Кирков характеризовали эти маневры, которые, как и следовало ожидать, закончились провалом³⁹. «Объединительные усилия» Раковского распространялись и на международные дела, поскольку он требовал пригласить «всех и вся» на следующую Балканскую конференцию социалистов, а исполком СДПР по этому вопросу какое-то время шел у него на поводу. В связи с этим вопрос о созыве конференции оказался «замороженным», и притом надолго.

Балканские войны способствовали размежеванию сил в румынской социал-демократии. Руководство партии, резко осуждая агрессивную политику румынской олигархии, проявило полную беспомощность в определении путей борьбы с ней. Оно провозгласило лозунги: «Да здравствует демократия!», «Да здравствует всеобщее избирательное право!», — но старалось удержать антивоенное движение на уровне «легального» протеста, доказывая, что иначе репрессии неминуемы. Однако революционное крыло не собиралось ограничиться этими скромными рамками. Его позиция была ярко выражена в манифесте, выпущенном 29 сентября 1912 г. группой революционеров из Плоешти во главе со Шт. Георгиу. Манифест провозглашал «войну войне» и призывал объявить бойкот мобилизации⁴⁰. Это был открытый вызов легалистской тактике, хотя авторы заявления допускали ошибку, выступая за отказ от военной службы вообще, игнорируя возможность использования оружия ради целей революции.

В июле 1914 г. для румынского пролетариата началась пора еще более серьезных испытаний. Отражая настроения рабочих, чрезвычайный совместный съезд СДПР и профсоюзов (август 1914 г.) отмечал в резолюции: «Мы провозглашаем, что лишь с уничтожением капитализма и заменой его социалистическим обществом человечество избавится от катастрофы, которая покроет его позором, разорит и погрузит его в печаль»⁴¹. В 1914—1916 гг. социал-демократическая партия, ведя антивоенную кампанию наряду с борьбой против бедности и лишений, сумела соединить политические и экономические действия пролетариата. К IV съезду партии (октябрь 1915 г.) было проведено 47 больших антивоенных митингов и сотни собраний, распространено 600 тыс. листовок и брошюр⁴².

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 151—152, 155.

³⁹ Е. И. Спиваковский. В. И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах, стр. 18, 21.

⁴⁰ ДММ, р. 576.

⁴¹ Ibid., р. 611.

⁴² «Lupta zilnică», 16.X.1915.

Но и в этот период в партии не было единства по вопросам стратегии и тактики. К. Доброджану-Геря по-прежнему исходил из невозможности революции в обозримом будущем⁴³. Он брал под защиту европейских социал-шовинистов и рекомендовал румынским социалистам тот же путь: отстаивать, поелику возможно, нейтралитет Румынии; если же «придется испить горькую чашу» военных испытаний, то «румынские социалисты, как и их братья на Западе, исполнят свой долг»⁴⁴. Ясские оппортунисты во главе с Гелертером заняли открыто прогерманскую позицию. Они без конца повторяли набившие оскомину заявления о «русской угрозе» и выступали за «решительное присоединение Румынии к державам Центра»⁴⁵ в том случае, если не удастся избежать войны. Активизировались и центристы во главе с Раковским. В серии статей под заглавием «Социал-демократическая тактика и война» он, разбирая разные варианты поведения социалистов, опускал единственно правильный — революционную борьбу против собственного правительства. Марксистское понятие справедливой и несправедливой войны Раковский подменял ложной схемой разделения войн на оборонительные и наступательные, исходя из которой он призывал социалистов сражаться в случае необходимости против «агрессоров»⁴⁶. В. И. Ленин дал самую резкую оценку высказываниям Раковского: «Раковский (см. его брошюру) за защиту отечества. По-моему, с такими людьми нам не по дороге»⁴⁷. На конференции в Циммервальде (1915 г.) Раковский призывал «подлечить» пораженный оппортунизмом II Интернационал и выступил против выдвинутого В. И. Лениным от имени левых проекта манифеста, содержавшего конкретную программу действий для свержения капиталистических правительств⁴⁸.

Представителям революционного крыла румынской социал-демократии в годы войны приходилось работать в нелегких условиях. И хотя против них был весь идеологический, политический и карательный аппарат господствующих классов, левое течение окрепло и закалилось в эти годы. Наряду с ветеранами партии А. Константинуеску, И. К. Фриму в нем активно действовали Е. Арборе-Ралли, Д. Маринеску, А. Доброджану-Геря, А. Николау, Василеску-Вася и многие другие. Созванная в 1915 г. в Софии Вторая балканская социал-демократическая конференция завершилась победой революционного крыла. Д. Благоев и Г. Димитров выступили на конференции вместе с румынскими левыми Д. Маринеску и Е. Арборе-Ралли. Конференция осудила социал-шовинизм и классовый мир и, преодолев сопротивление К. Доброджану-Геря и некоторых других, заявила: «Восстановление Интернационала возможно только на основе революционного социализма и пролетарского интернационализма»⁴⁹. Делегаты конференции поклялись бороться «без устали и пощады против националистических, шовинистических и воинственных течений, порожденных господствующими классами балканских государств, и против империалистической политики великих держав»⁵⁰.

И все же представители революционного крыла социал-демократической партии Румынии не смогли подняться до ленинского лозунга превращения империалистической войны в гражданскую, не сумели соединить борьбу против войны с борьбой за свержение власти капитала. Эти

⁴³ С. Dobrogeanu-Gherea. Război sau neutralitatea. București. 1914, p. 28.

⁴⁴ «Lupta», 12.X.1914.

⁴⁵ «Convorbiri sociale», 1916, № 1, pp. 6, 7.

⁴⁶ «România muncitoare», 14.VIII.1914.

⁴⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 117.

⁴⁸ Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М. 1968, стр. 222, 223, 235, 240.

⁴⁹ М. А. Бирман. Борьба левых социал-демократов балканских стран против империалистической войны и образование Балканской рабочей социал-демократической федерации. М. 1966, стр. 17—18.

⁵⁰ ДММ, р. 637.

важнейшие ленинские уроки не были усвоены тогда в полной мере левыми в румынской социал-демократии. Порой они оказывались в паутине центристских фраз, как это случилось, например, на IV съезде партии (октябрь 1915 г.), когда делегаты одобрили доклад, в котором говорилось: «Когда война станет реальностью, мы будем оборонять родину, чтобы не потерять наши свободы», осудив в то же время попытки навязать рабочим во имя «гражданского мира» сотрудничество с буржуазией⁵¹.

Лишь постепенно под давлением рядовых участников движения изживались элементы примиренчества, от которых страдали левые. На митингах и собраниях все чаще осуждалась пресловутая концепция легализма. В декабре 1915 г. на собрании в бухарестском цирке Сидоли посланец рабочих Турну-Северина Г. Лукрециу заявил под аплодисменты присутствующих: «Сегодня мы должны выступить за войну, но не войну с венгерским, болгарским или русским народом, а, побратавшись с ними, мы должны объявить священную войну международному пролетариату класса капиталистов всюду и везде»⁵². Так передовые рабочие приближались к ленинской мысли — «социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их»⁵³. Прошедшие в 1916 г. в местных партийных организациях дискуссии свидетельствовали о дальнейшем росте влияния революционного крыла. А. Константинуеску в Бухаресте открыто призвал готовиться к вооруженному восстанию: «Чем иным, как не восстанием, можно сокрушить капитализм?»⁵⁴.

Вступлению Румынии в войну на стороне Антанты в августе 1916 г. предшествовали зверские расправы с антивоенными выступлениями рабочих, в том числе расстрел участников демонстрации в Галаце 13 июня. Социал-демократическая партия, не запрещенная официально, фактически была поставлена вне закона. Газета «Lupta» («Борьба») прекратила существование; архивы партийных организаций были конфискованы; многих активистов призвали на военную службу, за другими была установлена слежка, третьих без суда и следствия бросили в тюрьмы. Только после Февральской революции в России началось восстановление партийных рядов, активизировалась деятельность румынских революционеров. В 1917 г. в день Первомая в Яссах и других городах неоккупированной зоны Румынии состоялись демонстрации солидарности русских солдат и румынских рабочих. В конце июня группа социалистов направила из Ясс обращение к Петроградскому Совету. Этот документ был пронизан чувствами революционной солидарности и классовой ненависти⁵⁵. Возникший в конце июля в Одессе, вдалеке от «всевидающего ока» сигуранцы, Румынский социал-демократический комитет действия полностью порвал с тактикой реформизма и легализма. «Социал-демократическая партия, — говорилось в его первом воззвании, — вступает в борьбу за свержение румынского царизма»⁵⁶. Правда, комитет в то время призывал лишь к буржуазно-демократической революции. О сокрушении власти капитала летом и осенью 1917 г. в его документах не говорилось. Даже за три дня до взятия Зимнего дворца «Lupta» писала, что не только в Румынии, но и в России «экономические и социальные силы... не достигли еще максимума развития, делающего возможным установление социалистического строя»⁵⁷.

Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала коренной перелом в жизни и борьбе пролетариата Румынии и вывела рево-

⁵¹ «Lupta silnică», 30.X, 8.XI.1915.

⁵² «Lupta silnică», 8.XII.1915.

⁵³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 315.

⁵⁴ «Studii și articole de istorie», IV. București. 1962, p. 291.

⁵⁵ «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 77.

⁵⁶ DIPCR. Vol. I, p. 13.

⁵⁷ «Lupta» (Одесса), 22.X.1917.

люционером этой страны на широкую дорогу ленинизма. Русский пример, опыт борьбы на родине, славные традиции пролетарского интернационализма помогли им встать на правильный путь. В середине ноября Одесский комитет заявил о твердой поддержке Советской власти; в январе 1918 г. в его обращениях появились прямые призывы к социалистической революции в Румынии: «Народная революция достигла порога нашей страны... Скоро власть будет принадлежать рабочим классам... Румыния превратится в республику рабочих и крестьян»⁵⁸. С Одесским комитетом перекликались румынские революционеры, оставшиеся в оккупированном Бухаресте. Октябрьскую революцию они приветствовали манифестом «Граждане и рабочие! Кричите и пойте от радости!», в котором писали: «Мир завоеван на баррикадах русских городов кровью революционеров, рабочих и крестьян, озаряемых светом социализма...». Осуждение реформизма, призыв взять на вооружение революционную тактику, пролетарский интернационализм составляют суть документа⁵⁹. Однако и в этом манифесте имелись определенные недостатки. В нем отсутствовал анализ социально-экономической обстановки в Румынии: авторы склонны были перескакивать через этап буржуазно-демократических преобразований, не вполне ясно представляли себе программные и тактические установки большевиков.

Искры Октябрьской революции зажгли в Румынии огонь коммунистического движения. Пролетарская революция была поставлена в повестку дня. Румынские коммунисты в России создали свою группу, входившую в Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б).

Весной 1918 г. в глубоком подполье в оккупированном Бухаресте создается Комитет действия во главе с А. КонстантINESКУ. Под первомайским манифестом этого комитета стояла подпись — «группа большевиков». В нем содержался призыв к социалистической революции⁶⁰. Тогда же на совещании оставшихся в столице членов старого исполкома партии и представителей ряда организаций было принято решение о выработке новой программы. Появилась она лишь через полгода, когда кончилась война и бывшая кайзеровская армия покинула Румынию.

Борьба за создание Коммунистической партии вступила в новую фазу. В страну вернулись многие румынские революционеры из России. Идеологическая пропасть между революционерами и реформистами обозначилась с полной очевидностью. Последние продолжали возлагать надежды не на пролетарскую революцию, а на «западные демократии, которым, как они говорили, ныне принадлежит решающее слово в новом устройстве наций»⁶¹. С противоположных позиций выступали молодые коммунистические группы. «Русская революция,— заявляли они,— это и наша революция... Нашему освобождению поможет лишь революция! Только с оружием в руках, как русские рабочие и крестьяне, мы сможем стать хозяевами своей судьбы»⁶².

В декабре 1918 г. появилась «Декларация принципов», представлявшая, по сути дела, проект новой программы. Этот документ был издан от имени всей социалистической партии, а не только левых ее групп и свидетельствовал о том, что революционная идеология стала преобладающей в партийных рядах. В «Декларации» подчеркивалось всемирно-историческое значение опыта Октября и резко осуждалась довоенная социал-демократия⁶³.

⁵⁸ Цит. по: V. Liveanu. 1918. Din luptele revoluționare din România. București. 1960, p. 178.

⁵⁹ «Marea Revoluție Socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România». București. 1967, pp. 15—18.

⁶⁰ DIPCR, vol. I, p. 49.

⁶¹ DIMMR, 1916—1921, p. 107.

⁶² Ibid., pp. 110—111.

⁶³ Ibid., p. 126.

Однако и в этом документе имелись слабости. Румынские коммунисты еще не научились применять ленинское учение о революции в конкретных условиях своей страны. В «Декларации» отсутствовал анализ особенностей исторического развития страны; ничего не говорилось о переплетении империализма с остатками феодализма, о глубоком проникновении в экономику Румынии иностранного капитала, о специфике ее аграрных отношений. Они еще не до конца осознали необходимость организационного размежевания с оппортунистами.

Подъем классовой борьбы, вершиной которой были демонстрации 13(26) декабря 1918 г. в Бухаресте и октябрьская всеобщая стачка 1920 г., усиливал позиции левого крыла партии. Но реформисты не намерены были уступать. Среди социал-демократов Трансильвании и Баната, вошедших после мировой войны в состав Румынии, они имели значительное влияние. Воспользовались реформисты и массовыми арестами революционеров. В начале 1919 г. реформисты и центристы оказались в большинстве во Временном исполкоме партии. Они одобрили насильственную аннексию Бессарабии и Северной Буковины. Революционеры Брэилы и Галаца расценили эту акцию как стремление «некоторых политических балаганщиков» «нагло поднять руку на социализм»⁶⁴.

В развернувшейся борьбе⁶⁵ обрисовалась тактика румынского реформизма на новом этапе: преувеличение исторических особенностей как «теоретической» обоснование для того, чтобы преуменьшить роль общих закономерностей революционного процесса, игнорирование ленинизма, опыта Октября, отрицание его международного значения.

Левые опирались на партийные организации крупных промышленных центров. В начале 1920 г. отделения партии в Бухаресте, Плоешти, Кымпине, Брэиле, Галаце и других городах потребовали образовать коммунистическую партию и вступить в III Интернационал. В ноябре того же года было проведено подпольное совещание коммунистических групп, которое высказалось за «немедленное и без всяких оговорок присоединение к Коминтерну» и образовало свой Центральный комитет, что означало первый шаг к организационному оформлению левого крыла. Официальное руководство партии, учитывая сложившуюся обстановку, было вынуждено направить делегацию на II конгресс Коминтерна. И хотя она прибыла в Москву с опозданием, ее представители имели беседу в ИККИ, а группа делегатов была принята В. И. Лениным. Подъем рабочего движения в Румынии, громадное влияние Октября на народные массы, поддержка В. И. Ленина, помощь, оказанная Коминтерном,— все это помогло румынским революционерам добиться успеха.

8 мая 1921 г. в Бухаресте открылся съезд партии. Реформисты, предвидя свой провал, отказались от участия в его работе. Съезд выразил горячую поддержку пролетариату Советской России, «авангарду международного рабочего класса в его борьбе за раскрепощение от ига капитала», и принял решение о создании Коммунистической партии Румынии. Подавляющее большинство делегатов высказалось за безоговорочное присоединение к Коминтерну⁶⁶. Образование компартии ознаменовало историческую веху в развитии всего революционного движения в Румынии. Упорная борьба левых социалистов, в которой они опирались на всепобеждающую силу марксизма-ленинизма, на исторический опыт Октября, на помощь Коминтерна, увенчалась победой.

⁶⁴ Ibid., pp. 165—167; DIPCR. Vol. I, pp. 123—125.

⁶⁵ Подробнее о ней см.: Е. И. С п и в а к о в с к и й. О некоторых проблемах истории создания Коммунистической партии Румынии. «Вопросы истории», 1971, № 3; «Crearea Partidului Comunist Român», Bucureşti. 1971.

⁶⁶ Все делегаты, проголосовавшие за это, были немедленно арестованы.